

ш о о н ь л ь з р - о - з

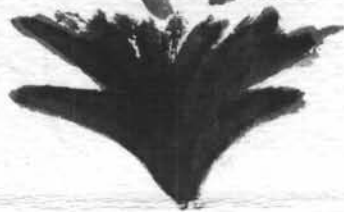
СВЕТЛЫЙ ДА,

1. Чтобы проведать парную согласную, позови на помощь гласную.
грибн → гриб
2. Чтоб развеять все сомненья, гласный ставь под ударенье.
стол → столн
3. Запомни как пишутся словарные слова: класс, мороз.
4. Сочетания жи-ши, ча-ща, чу-щу, чк-чн запомни!
жизнь, чаша, пучка
5. Правильно переноси по слогам слова: маль-чик, чай-ка, ули-ца.
6. Разделительный Ь (мягкий знак) пишется после согласных перед гласными Е, Ё, Ю, Я, И, когда между ними слышится звук [й]: ручьи.
7. Предлоги пиши раздельно.
в лес, в большой лес
8. Существительные обозначают предмет и отвечают на вопросы КТО? ЧТО?
лев, окно
9. Прилагательные обозначают признак предмета и отвечают на вопросы КАКОМ? КАКАЯ? КАКОЕ? КАКИЕ?
красный, зимние
10. Глагол обозначает действие и отвечает на вопросы ЧТО ДЕЛАЕТ? ЧТО ДЕЛАЛ? ЧТО ДЕЛАЕТ?
пишут, едет

В ЯМНОГІ,

(.....)

У ГАТЫМ НУМАРЫ
ЗЬМЯШЧАЮЦА ТВОРЫ ПЕРАВА-
ЖНА МАЛАДЫХ АЎТАРАЎ (НЕКАТОРЫЯ
ЗЬ ЯКІХ ЯШЧЭ Ў ШКОЛУ ХОДзяць.
І КАЛІ НЕХТА З ВАС, ШАНОўНЫЯ ЧЫТА-
ЧЫ, СКАЖА, ШТО ТВОРЫ НАШЫХ АЎТАРАЎ
ЯМУ НЕ ПАДАБАЮЦА,
НЯХОЙ КІНЕ КАМЕНЬ
СЮДА!

!
нраўдн

Толькі

ПАСПРАБУЕ

НЕ ПАТРАПІЦЬ!

САД

В фиолетовом царстве, в фиолетовом государстве, на фиолетовой улице, в фиолетовом доме жил фиолетовый человек. По утрам он умывался фиолетовой водой, ел фиолетовую еду, носил фиолетовую одежду и работал на фиолетовой работе. Так шло фиолетовое время, пролетали фиолетовые дни и месяцы.

Однажды, когда небо затянули темно-фиолетовые тучи, и пошел фиолетовый дождь, фиолетовому человеку стало уж слишком фиолетово грустно. Он вышел на фиолетовую улицу и отправился гулять по фиолетово-мокрому асфальту. В тот момент фиолетовая печаль глубоко проникла в его фиолетовое сердце, и на фиолетовых его глазах навернулись фиолетовые слёзы дождя. Не зная как, не зная зачем, забрёл фиолетовый человек в фиолетовый сад. У самого входа на мягкой фиолетовой траве сидела фиолетовая девушка. Она с фиолетовым интересом взглянула на него и улыбнулась фиолетовой улыбкой. Фиолетовый человек улыбнулся в ответ, и всё небо осветило фиолетовое солнце. Они фиолетово познакомились и разговорились про фиолетовую жизнь. Фиолетовый человек совсем забыл про свою фиолетовую печаль и засиял лучами фиолетового счастья.

С тех пор он стал часто посещать фиолетовый сад, и его фиолетовая жизнь пропиталась фиолетовым смыслом и радостью. Фиолетовый человек с нетерпением ждал фиолетовых встреч и фиолетово трепетал перед фиолетовой девушкой.

Однажды они сидели в фиолетовом теньке фиолетового клёна и разговаривали на разные фиолетовые темы.

- Ах, как здесь прекрасно! – сладостным голосом проговорила фиолетовая девушка.

- Это точно, -- согласился фиолетовый человек.

- А тебе больше всего нравятся розы какого цвета, -- спросила девушка, -- красного, желтого или белого?

Фиолетовый человек фиолетово выпучил свои фиолетовые глаза и с фиолетовым удивлением взглянул на фиолетовую девушку:

- Как это: красного, желтого или белого?..

Девушка усмехнулась и повторила вопрос. Он снова с фиолетовым недоумением взглянул на неё и сказал:

- Да, по-моему... они все фиолетовые...

Тогда девушка рассмеялась и поправила волосы.

- Чудак ты какой-то, -- сказала она. – Как же все они могут быть одинаково фиолетовыми?

- Хм, ну так же, как и всё остальное вокруг.

Улыбка с лица девушки плавно спала, и она испытала некое фиолетовое замешательство.

- Неужели ты не различаешь других цветов? – спросила девушка.

- А разве они есть? – улыбнулся фиолетовый человек.

- Ну конечно! Оглянись вокруг и присмотришься внимательнее.

- Да нет же, -- не соглашался фиолетовый человек. – Всё абсолютно фиолетовое. Это просто твои фантазии.

- Нет, быть этого не может! – протестовала девушка. – Ведь это же так скучно!.. Как так можно жить?..

- Так, как и все живут, -- отвечал фиолетовый человек. – Ты зря себя накручиваешь. Я тебе говорю, что это твои бурные фантазии. В твоём возрасте пора бы уже научиться воспринимать мир таким, какой он есть...

В этот момент подошли три человека с секаторами в руках. Здесь они работали садовниками и, судя по всему, были друзьями этой девушки.

- Фу-у... Чем здесь так воняет? – спросил вдруг один из них, который был с разноцветными крыльями.

- Уже полсада завоняло, -- сказал другой, размахивая рукой возле своего разноцветного лица.

- А это кто? – спросил третий и взглянул на фиолетового незнакомца.

- Да так, чудак один, -- ответила девушка. – Говорит, мол, нет на свете никаких других цветов, кроме фиолетового.

Тут же все трое садовников разразились разноцветным каскадом сочувственного смеха.

Потом один из них наклонился к фиолетовому незнакомцу и внимательно взглянул в его фиолетовые глаза:

- Э-э-э... брат, ну ты даёшь... -- сказал он. – Ты ж сними с бедных глаз твоих фиолетовое дерьмо себялюбия.

Фиолетовый человек не понял, что конкретно ему посветовали, но уразумел то, что сделать это будет очень сложно. На его лице выступил фиолетовый «багрянец» фиолетовой застенчивости, но вида фиолетовый человек не подал.

- Ладно, -- сказали второй и третий садовники, ласково посмотрев на девушку, -- пойдём мы работать.

- Ну, давайте, -- улыбнулась она.

- А ты всё же подумай об этом, -- сказал первый садовник и дружески похлопал крылом по спине фиолетового незнакомца. – Фиолетовый цвет не открывает и не замыкает, фиолетовый цвет – лишь элемент среди элементов, цвет среди цветов, оттенок среди оттенков, травинка среди полей...

Фиолетовый человек кивнул головой и сделал вид, что понял сказанное.

- Да-а-аа... Тяжёлый случай, -- донеслось издалика от исчезающих в разноцветии трёх садовников.

Вдруг фиолетовый человек с опаской осмотрелся по сторонам и, выпучив свои фиолетовые глаза, взял девушку за плечи:

- Заморочили они тебе голову! – с надрывом проговорил он. – Это секта... секта... Здесь кругом одна сплошная секта!.. Секта... да-да... секта, секта... сссекккккктта-аа... ссссееееккккттаааа... Секта!.. сссссееекктааа... -- словно змея, шипел фиолетовый человек и тряс девушку за плечи.

Потом он напоил её фиолетовой водкой, взял за руку и убежал с ней в свой фиолетовый дом. Ночь была фиолетово страстная от фиолетового начала до фиолетового конца. В незыблемо фиолетовых чувствах купались они на фиолетовой постели. Неистовый огонь фиолетового сладострастия пропитал их фиолетовые органы. В некоторые фиолетовые моменты девушке даже казалось, что не так уж плох этот фиолетовый мир.

Так и шли фиолетовые дни и недели... Фиолетовая девушка начала немного скучать по фиолетовому саду и по своим друзьям. Тогда она снова стала приходить к ним, вспоминая о весёлом прошлом, делилась своей фиолетовой жизнью и с интересом слушала разноцветные рассказы садовников.

Фиолетовый человек заметил это и начал ревновать девушку. В конце концов он понял, что не в силах удержать девушку в своём фиолетовом мире и стал всё больше и больше поить её фиолетовой водкой. Но и это оборачивалось против него. Не оправдывались его фиолетовые надежды...

- О, ужа-а-аас! – крикнул он, допивая фиолетовую бутылку. – Я жже-ее-е её лл-юю-юблю-юю! – пьяным голосом объявил он всему миру.

Но мир улыбнулся полным равнодушием. Тогда фиолетовый человек натянул на нос загаженные фиолетовой беспомощностью трусы фиолетового гнева и решительно направился в сад.

В саду было по-прежнему тихо и благодатно. Светило яркое солнышко и чудесно пели райские птицы. Девушка сидела у чистого прозрачного ручейка и разноцветно наслаждалась запахами разноцветных цветов.

- Аа-а-а!!! – закричал надломленным голосом фиолетовый человек, и по воздуху протянулось истошное зловоние перегара. – Вот ты где!!! Аа-а-а-а-а-а-а!!!! – беспомощно повторял он и бил кулаками о свою фиолетовую грудь, становясь похожим на фиолетовую обезьяну.

Девушка испугалась и засмеялась. К сожалению, садовников в тот момент там не было. Они праздновали день разноцветия со своими друзьями.

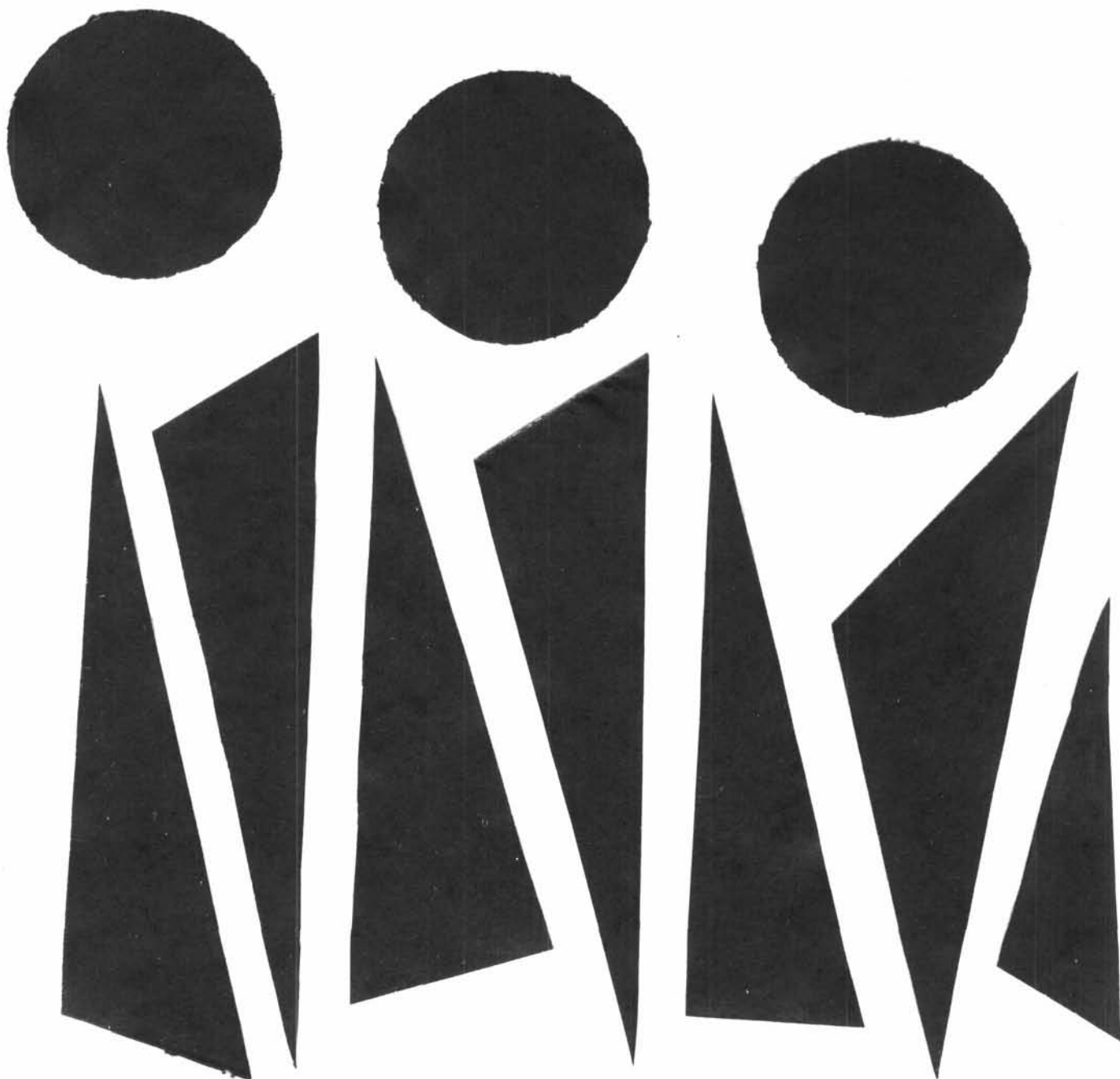
- Во всём виноваты они!! – кричала фиолетовая обезьяна. – Па-аадлы! Га-ады-ы! Се-ееекта-антыы!!! Вот вам всем весело! Да? А я!... А я! Ая... А я!.. Я!.. Я!.. Я же!...

Разгневанная фиолетовая обезьяна подожгла сад и со свирепым фиолетовым блеском в глазах фиолетово радовалась пожару. Когда сад догорел, пьяная фиолетовая обезьяна своей фиолетовой лапой нащупала девушку, напоила её фиолетовой водкой и убежала с ней в свой фиолетовый дом. Ночь была фиолетово страстная от фиолетового начала до фиолетового конца.

Наутро фиолетовый человек отрезвел и обнаружил рядом с собой на постели фиолетово обгоревшую тушку девушки и с фиолетовой нежностью поцеловал её в губы. Во рту он испытал фиолетовый привкус гари и на зубах его закрипел уголь фиолетового смысла...

Так и жили они счастливой фиолетовой жизнью. Вскоре у них родились фиолетовые дети и пошли в фиолетовую школу.

Ну садовники... Садовники вырастили новый сад с ещё более насыщенной и богатой палитрой цветов и оттенков. Но вход в этот сад открыт теперь не для всех.

Д.Хилькевич (ex-Узник)

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Колдун и Душелюбец пришли ночью на кладбище. Колдун хотел раздобыть здесь кое-какие компоненты для своих дьявольских снадобий. Душелюбец же собирался испробовать одну магическую операцию, которой его научил Колдун.

Прежде, чем заняться своим делом, Колдун предупредил Душелюбца:

- Смотри, ничего не напутай. Делай все в точности, как я сказал.

Иначе...

Колдун не договорил и пошел на другой конец кладбища.

Душелюбец еще немного постоял, смотря Колдуну вслед, и пошел искать подходящее захоронение. Он выбрал себе могилу, потоптался возле нее, сказал:

- Привет тебе, брат.

Потом он лег на холмик могилки, некоторое время собирался с мыслями и начал произносить заклинание, глядя на полную луну в темном небе.

- Открой мне тайны своей жизни, -- закончил он.

В тот же миг сознание покинуло его, Душелюбец погрузился в сон. Сон о чужой жизни. Он прочувствовал все радости и горести мертвеца: падения и взлеты, отчаяние и торжество, унижения и победы. И смерть. Смерть от порчи, которую наслала старая ведьма.

Душелюбец очнулся, но это был уже не он. Он все же что-то напутал.

Найдя камень, он пошел искать Колдуна. Душелюбец (который теперь им не являлся) отыскал Колдуна в одной могиле. Тот уже открыл гроб и копался в останках. Колдун услышал шаги и обернулся.

- Ну, как все прошло? Хорошо?

- Да, -- ответил Душелюбец. --

Хорошо.

И обрушил на голову Колдуна камень. Колдун рухнул без чувств.

Душелюбец проверил его пульс. «Жив, -- подумал он. -- Тем лучше». Он выбросил из гроба кости и положил в него Колдуна. Закрыв крышку гроба и засыпал могилу.

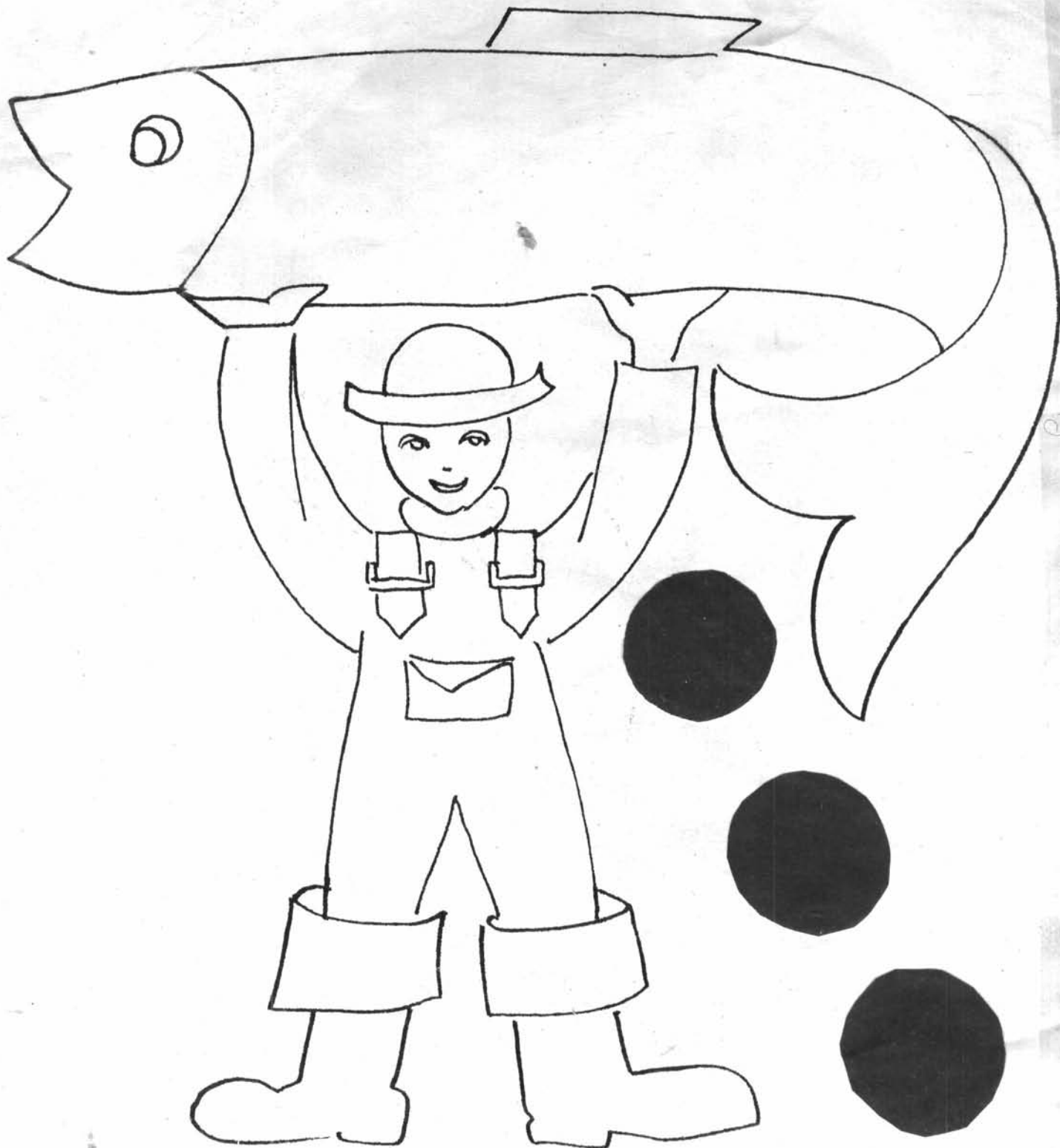
- Будь ты проклят, дьявольское отродье, -- сказал он и упал.

Его время закончилось, но он сделал свое дело.

Малюнак з "буквара"
(М.: "Просвещение", 1985, с.74)

ДАНИЛ ХАРМС

ДЗЕНЬ
(амфібрахій)

І ў чыстай рачулцы мільгае малёк,
І сціплая хатка вітае здалёк,
І брэша сабака на статак кароў,
І мчыць на драбінках пад горку Пятроў,
І ўецца над хаткай маленечкі сцяг,
І злакам спажыўным заняты прасцяг,
І пыл сірабрыцца на кожным лістку,
І мухі са свістам лятуць праз раку,
І смажацца дзеўкі, на сонцы ляжаць,
І пчолы над кветкамі ў садзе гудзяць,
І плешчуцца гусі ў празрыстай вадзе,
І ў клопатах звыклых праносіцца дзень.

* * *

Лягу сёння вельмі рана,
Рана лягпу я згашу,
Ды затое вельмі рана
Пабудзіць мяне працу.

Проста так, ажно здзіўленне,
Лёгка так мяне будзіць!
Ты пастаў на стол варэнне,
Я працстаў праз імгненне,
Я працнуся праз імгненне,
Буду чай з варэннем піць.

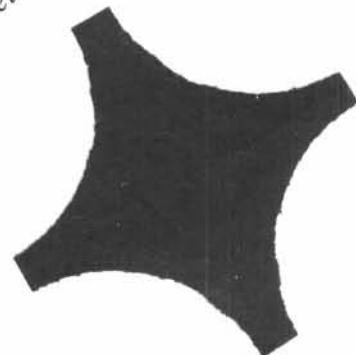
* * *

уце ўсе ўсе расліны піф
усё ўсё ўсё каменне паф
уся ўся ўся прырода пуф

уце ўсе ўсе дзяўчыны піф
уце ўсе ўсе мужчыны паф
усё ўсё ўсё вяселле пуф

уце ўсе ўсе славяне піф
уце ўсе ўсе габрэі паф
уся ўся ўся Расея пуф

пераклала з расейскай Віка Трэнас

ТАНЯ ГАЙДИНСКАЯ

(г. Минск)

◆◆◆

Я – кошка, у меня семь жизней,
Возьми их разом.
И ты станешь дубом
Или стройным вязом,
А я стану девушкой земною,
Буду ходить к речке за водою,
А цветы твои поставлю в вазу.
Я – кошка, у меня семь жизней,
Возьми их разом.

◆◆◆

Неужели это свершилось
Не во сне, а уже наяву.
Наконец-то, я освободилась
И больше тебя не люблю.
Повержена насмерть сплоченность
Каких-то невидимых сил,
Рухнула напряженность –
Ты сам меня освободил.
И я это утро венчаю
С моей уходящей тоской.
Обиды и слезы прощаю.
Спасибо тебе, милый мой.
А в сердце дрожит восхищенье
Свободой и волей своей.
Спасибо тебе огромное,
Что ты одарил меня ей.

◆◆◆

Мне кажется: лишь надо
 подождать,
Ко мне опять вернется покаяние.
Пусть каждая секунда –
 испытание,

Но надо устоять!
Мне кажется, что лишь растает
 снег,
Погаснет на устах тревожный
 лепет,

И очарует сердце легкий трепет,
Как детский смех.

ЖЕЛТОЕ И ГОЛУБОЕ

Желтый свет меня знал ребенком,
Я ребенком любила свет.
Распашонки, игрушки, пеленки
Окрашены в этот цвет.

Но когда я взрослеть начинала
И смотрела на этот мир,
То сначала не замечала
Желтый ландыш и желтый сыр.

Но потом были желтые люди,
Желтый день, желтый взгляд,
 желтый смех
Соната, этюд и прелюдия,
Желтые, но не для всех.

Я жила в этом желтом мире,
И меня обнимал желтый свет.
В моей обычной квартире
Не желтого цвета нет.

Постоянно так раньше было,
Пока не был нарушен покой.
Желтое небо остыло,
Рождая цвет голубой.

Остывшие желтые свечи,
Стеклянный беспомощный взгляд,
И желтый когда-то вечер
Новому цвету не рад.

Вторжение нового света
В этот неновый мир –
И желтая раньше планета
Теперь голубой эфир.

К сожалению, выхода нет,
Ненатуральный покой
Изменяет цвет моего света
С желтого на голубой.

ПАЛЦОВЕЦ ІРЫНА

Віцебская вобл., Глыбоцкі раён, в. Празарокі

ЦЯЖКАЕ КАХАННЕ

Хвіліна, другая –
Няма ўжо мяне,
Я ўжо чужая... –
Заве ён! Але...
Не трэба мне слёз
І смутку не трэба –
Зімовы мароз –
Скаваў маё цела
Не варта мне жыць,
Калі б і хацела
Не трэба тужыць –
Сама адляцела...
А з-за каго? –
Не трэба ўсім ведаць.
Кыхала яго...
Як сонца ўсім свеціць!

ЮЛЯ РУЖАЧКА

Суадносiны

Ты не чуў плачу сляпоў
І плачу таго небакраю,
Бо не плакаў ты сам зноў і зноў
Ад нясцерпнага болю і жалю.
Ты не чуў спеваў птушак глухіх.
Ты не памятаў, што радзяцця
Адлюстроўваецца ў кожнах другіх,
І не магчыма нам урагавацца.
Гэта сонца і зоркі, і неба
Мне ўжо роднымі сталі даўно.
Зразумець, што табе трэба
На апошнім нашым спатканні
Я наўрад ці вытрымаць змагу.
Дык няхай жа танчаць на святанні
Слёзы кветачны танец дажджу.

Современность

Недавно купленная книга
Лежит на письменном столе.
Диск солнца скрыт за горизонтом.
Мне от луны не по себе.
В окно моё стучится полночь.
Сквозь занавески виден свет.
Кого-то нужно звать на помощь,
Чтоб вылечить бессонный бред.
В поту холодном просыпаюсь.
Я не могу спокойно спать.
Прошу о том, о чём мечталось:
О, Боже! Я хочу летать...

ДІВОВІ ПАЖІ

* * *

Я калені долу апушчу
Толькі раз, калі памру...
І ўсіх я заклікаю быць людзьмі,
Быць дзяцьмі сваёй зямлі!

У гісторыі ёсць час,
Калі з долам змешвалі нас.
Але ж то – то продкі нашы –
Продкаў трэба шанаваць.
Але ж мы – мы дзеці вашы.
Нас не трэба шкадаваць:
Трэба, як людзей дарослых,
Ну, хоць трохі паважаць.

Вы спрабуеце сумленне
Нам у школе прывіваць.
А навошта? Ну, навошта
Нам патрэбна то сумленне?
Каб ізноў хіліць галовы
І казаць: “Жывем ядрэнна”.

Не! Не! Хопіць, нажыліся!
З рук чужых мы гора напіліся.

Я не буду больш так жыць,
Я не буду па цячэнні трэскаю
нікчэмнай плыць.

Буду лепш я працаваць,
Буду месца для Зямлі сваёй шукаць.
А спатрэбіцца – і зброю у руках пачну
трымаць,

Але больш, як продакі нашы,
Я не буду існаваць.

КАЦЯ ЖА

МАЕ ЎЦЁКІ

Я хачу пазбавіць думкі логікі.
Змышца я хачу ад... *Карацей,*
Ад кашчавых пальцаў педагогікі,
Што ласкава сьціснулі дзяцей.

Лепш за ўсё памерці: шлях правераны,
А далей ужо няма куды.
Да таго ж, адтуль ніхто ня верне,
Хоць туды ня больш за крок хады.

І тады – якімі шкадаваньнямі
Разарвецца прывіднае шкло
Кайданоў тупога выхаваньня –
Быццам іх ніколі й не было!

Сьлёзы кіраўніца наша класная
Будзе ліць на класны наш журнал.
Так і бачу, як яна, няшчасная,
Пачкамі глытае люмінал!

І як хорам заравуць настаўнікі –
Так, я чую, чую гэты плач:
“Мы табе дарэмна двойкі ставілі!
Дарагая! Родная! Прабач!

І на школу ўсю па школьным радыё
Скажа сацыяльны педагог:
“Мы былі б, Кацюша, вельмі радыя
Цалаваць твае падэшвы ног.

Проста нам было прызнацца сорамна,
А ня тое мы б ужо даўно...
Мёртвую – каб менш змагацца з горам
нам –
Абцалуем спрэс мы ўсё адно!”

Толькі мне ня трэба іхнай літасьці,
Хай яе трымае мэдаліст.
Я пакіну, перш чым найдалей пайсьці,
Толькі вось такі кароткі ліст:

(Увага!)

“Пахавайце мяне ў *Нэпале*
У дамку на
даўжэразнай палі,
Каб мяне там дастаць не маглі
Крыважэрныя духі зямлі.”

І ўсё!

І калі ЯНЫ ня зробіць ГЭТАГА,
Я ім буду сьніцца па начах
І падчас урокаў выць: “Асьвета –
Ганьба, цемра і суцэльны
ЖАХ! ЖАХ! ЖАХ!!!”

КУТ

Ізноў бяда. Ізноў у кут.
Мой родны кут, як ты мне мілы!
Я столькі прастаяла тут!
Забьць цябе ня маю сілы.

Настаўнік пагражаў мне ім
Ня раз, утомлены дарогай,
І не цікавіўся зусім
Жыцьцём вясны маёй убогай.

І нават не ў табе, мой кут,
К табе я ў думках залятаю:
Там, у табе, знаходжу “тут”,
І там душою спачываю.

Настаўнік верашчыць са зла:
“О, як бы я хацеў спачатку,
Каб ты турму з сумой прайшла –
Дарогу жыцьця па парадку!”

Ізноў я мушу ў родны кут
Прайсьці яшчэ раз, азірнуцца.
Настаўнік – знаю – шалапут
К вясне б маёй хацеў вярнуцца.

Ды *лега ў крыві* “Настаўнік – ты?
Сабраць з дарог каменны тыя,
Што знойдзеш, і скругліць куты,
Што губяць сілы маладыя!”

КРЫЖЫКІ-НУЛКІ

Нарэжу з панеры нулікаў,
Па нуліку ўсім сябрам,
А дзіркі ад гэтых нулікаў
Няхай застануцца мне.

На іх намалюю крыжыкі,
Па крыжыку ўсім сябрам,
І гэта (хай не хвалююцца)
Нікога не абміне.

Григорий Тисецкий

ВОДОВОРОТ

Действие 1

Дубовая роща. День. На скамейке под дубом, плотно сдвинув ноги, чтобы поместиться, сидят три человека. Крайний слева вздыхает.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Не вздыхайте так болезненно, молодой человек. Всё-таки мы ещё точно ничего не знаем. Вот придёт Алексей... (Поворачивается лицом к Роману, но, убедившись, что тот не слушает, встаёт, подходит к Роману, легонько стучает его по плечу) Роман, вы меня не слушаете...

РОМАН. (Холодно) Внимательно, очень внимательно слушаю.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Делает вид, что ему плохо, и он вот-вот упадёт) Подвиньтесь, молодые люди! Разве не видите, что у старика ноги больные? Подвиньтесь! (Роман с Дмитрием подвигаются. Максим Петрович кряхтя садится у самого края скамейки.

Обращается к Дмитрию.) Я же говорю: не стоит волноваться. Мы просто толком ещё ничего не знаем. Когда придёт Алексей, тогда расскажет, что узнал...

ДМИТРИЙ. (Раздражённо) Да, я уже это слышал.

РОМАН. (Задумчиво) Если, конечно, что-нибудь узнал...

ДМИТРИЙ. Что?

РОМАН. Если ему удалось что-то откопать...

ДМИТРИЙ. Кому?

РОМАН. Алексею! Здесь же сплошная роща. Не видно ни одного живого человека...

ДМИТРИЙ. А я?

РОМАН. (Стучит пальцами по колену) Вас двоих я не имею в виду.

Роман вздыхает с ещё большей силой.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Ну не вздыхайте! Не вздыхайте так. Ведь мы ещё толком ничего не знаем...

РОМАН. (Холодно обрывает Максима Петровича) Согласен!

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Боязливо) Вот и хорошо. (Пауза) Сейчас бы перекусить?

РОМАН. (Не слушает) Но тропинку то кто вытоптал? Не человек ли? А значит, тут всё-таки есть люди...

ДМИТРИЙ. Он есть хочет.

РОМАН. Кто?

ДМИТРИЙ. (Указывает на старика) Он.

РОМАН. Пусть потерпит.

Вдруг раздаётся пронзительный свист. Все замирают. Становятся похожи на бездвижные восковые фигуры. Слышно чьё-то громкое дыхание. К лавке подходит девушка с небольшим тазиком, заполненным водой. Из тазика достаёт платок. Выжимает его. Вытирает лицо Максима Петровича, затем лица Романа и Дмитрия. Опускает платок обратно в тазик. Уходит. Снова раздаётся свисток – люди оживают.

Максим Петрович вначале возмущённо встаёт, потом садится. Плачет.

ДМИТРИЙ. (Обращается к Роману) Он не может терпеть...

РОМАН. (Задумывается. Через несколько секунд) Ну ладно, пусть поест.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Обрадовано прихлопывает в ладоши. С улыбкой оглядывается вокруг себя, но не видя ничего съедобного меняет радостное выражение лица на грустное. Плачет) Есть, есть старику не... Есть...

РОМАН. (Озадачено) Почему он плачет?

ДМИТРИЙ. (Взглядывает на Максима Петровича, тот всхлипывает) Не знаю. Может, он очень сильно хочет есть. Но не находит ничего съедобного?

РОМАН. Да... (Пауза) Пусть поищет повнимательнее.

У Максима Петровича начинают нервно подёргиваться руки, потом веки.

ДМИТРИЙ. (Смотрит на старика) По-моему, ему плохо...

РОМАН. (Встаёт. Подходит к Максиму Петровичу. Становится прямо перед ним) Может быть, ему нехорошо?

ДМИТРИЙ. Да, наверное, он чем-то болеет, что сейчас проявляется.

РОМАН. Точно! Он болен...

ДМИТРИЙ. Что будем делать?

РОМАН. (Думает) Надо узнать, чем он болеет, и дать лекарство.

ДМИТРИЙ. Но у нас нет лекарств...

РОМАН. Всё равно нужно это узнать. (Нащупывает пульс на руке старика. Тот не сопротивляется) Вроде пульс есть – всё в порядке. Это, скорее всего, на нервной почве.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Бледно улыбаясь) Я есть хочу...

ДМИТРИЙ. Когда мучает голод тогда, обычно, нервы шалят.

РОМАН. Я понял: ему надо поесть.

ДМИТРИЙ. (Решительно) Обязательно надо. Только вот что?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Сжавшись) Есть хочу. Мне совсем немножко хватило бы...
Совсем, совсем...

РОМАН. Нужно поискать еду. (Подходит к стволу дуба. Смотрит на ветки, стоя под кроной) Я думаю, что среди всех этих дубов должно быть хоть одно деревце яблони или дикой груши...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Я ел ровно два часа пятнадцать минут тридцать две секунды назад...

РОМАН. Который час?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Не знаю. У меня нет часов. Может Дмитрий знает?

ДМИТРИЙ. Нет.

РОМАН. Плохо...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Время ещё определяют по солнцу. (Вытирает рукавом слёзы) Но я не умею...

ДМИТРИЙ. (Вспоминает) Солнце встаёт... Встаёт на востоке. А садится...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Радостно) На западе.

ДМИТРИЙ. Я вспомнил: солнце встаёт на востоке, а садится на западе.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Верно. Тогда сейчас вечер, приблизительно десять часов...

РОМАН. (Недоверчиво) Вы уверены?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Считает что-то про себя) Вроде. Если считать по сторонам горизонта, то всё сходится. (Подпирает голову кулаком).

РОМАН. А где восток? (Вытягивает руки вперёд и начинает кружиться, имитируя стрелку компаса) Там? (Руки направлены на ствол дуба)

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Размышляет) Какая разница? Всё равно получается, что сейчас вечер! (Достаёт из кармана платок. Высмаркивается в него).

РОМАН. (Шутит) Значит надо спешить, а то мы совсем проголодаемся. (Обращается к Максиму Петровичу) Вы в порядке?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Улыбается) Спасибо, в порядке. Только есть хочется. А раз сейчас десять часов, то я, наверное, проголодался вдвойне.

РОМАН. Надо спешить?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Надо!

Роман садится на скамейку. Думает.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. А когда мы пойдём?

РОМАН. Куда?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Зло) Еду искать!

РОМАН. Ну, раз сейчас десять часов вечера, то завтра утром.

Максим Петрович впадает в истерику.

ДМИТРИЙ. (Раздражённо) Успокойтесь! Всё! Мы пойдём за едой прямо сейчас. Правда, Рома?

РОМАН. Что?

ДМИТРИЙ. Я хочу сказать, что мы быстро соберемся и отправимся на поиски еды для Максима Петровича, чтобы его желудок был здоров и доволен. Так?

РОМАН. Пожалуй.

ДМИТРИЙ. Отлично! Тогда собираемся. Собирайтесь Максим Петрович...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Испугано вскакивает) Я?

ДМИТРИЙ. Да. Или вы уже не хотите есть?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Молодые люди, вы не считаетесь с моим возрастом! Да и...

РОМАН. Ему нельзя.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Кивает головой) Мне нельзя!

РОМАН. Он болен.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Я болен!

РОМАН. Он не хочет!

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Я... А как же Алексей? Он же вернётся. А кто будет его встречать? Меня ведь не будет тут, если я пойду... У меня ноги больные! (Кряхтит, поглаживая колени).

ДМИТРИЙ. Я пойду один. Вы вдвоём будете ждать Алексея.

РОМАН. Куда?

ДМИТРИЙ. Туда! (Указывает пальцем в сторону тропинки).

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Когда вернётесь?

ДМИТРИЙ. Когда-нибудь...

РОМАН. Что предать Алексею, если он вернётся?

ДМИТРИЙ. Что я пошёл искать еду для Максима Петровича...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. А если Алексей не вернётся? Что тогда передать?

ДМИТРИЙ. Тогда, подумайте сами...

Дмитрий проходит мимо старика. Взглядывает ему в глаза.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Молодой человек, не смотрите на меня так злобно. Мы ведь толком ничего не ~~заем~~ заём... И ноги у меня больные. Совсем замучили старика...

Дмитрий не произносит ни слова. Уходит.

Действие 2

РОМАН. (Морщится) Как жарко!

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Снимите свитер, тогда не будет жарко...

РОМАН. Вам не жарко в куртке? Укутаны так, что напоминаете медведя.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Обиженно) Я старый и больной человек... Молодой человек, ты сам поймёшь, что такое старость. Это когда тебе всё время холодно и сыро, боязливо и беспокойно. Мне ужасно беспокойно. Я боюсь, что жизнь оборвётся резко. Тогда я буду жалеть: как мало всего успел, как мало сказал, поспал, поел. Ведь там, на небесах, нас ждёт вечный рабочий день, голодный день без слов... Голодный, прямо как сегодня... (Вдруг замолкает) Я понял... Я понял: мы умерли. (Закрывает руками глаза).

РОМАН. (Улыбается) Вы только сейчас это поняли?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Крестится) О, Боже! Я – мертвец! Странно, но я произношу это почти без страха. Может быть, мы ещё живы?

РОМАН. Нет! Не может... Для вас уже давно жизнь закончилась. Вы правильно сказали, Максим Петрович, вы – труп. Ноете, орёте, укутываетесь как чёрт – боитесь... Вы - мертвец! Вас мучает страх. Он лижет ваши воспоминания, да так сильно, что вы сами уже перестали понимать, где страх, а где спокойствие...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Оскорблено) Но вы?..

РОМАН. Я, Максим Петрович, жив. Я ещё многого не знаю, не понимаю. А хочу знать!

Поэтому и жив. (Улыбается) Разве знания не стоят того, чтобы жить?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Знания чего?

РОМАН. Да, всего! И любви, и правды, и смысла...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Я же только...

РОМАН. Вот, то-то и оно – только... Я, может, и не помню, как определить сторону горизонта, но ведь борюсь же за то, чтобы как сделать это – я вспоминаю, напрягаю память, присматриваюсь к муравейнику... А вы только сидите, да ноете, что жрать нечего. Но сами не пожелали узнать ни где можно достать еду, ни где выход, в конце концов, ни как мы сюда попали. Конечно, легко жить за чужой счёт...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Обрадовано кричит) Алексей!

РОМАН. Кто?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Алёша!

РОМАН. Где?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Машет руками) Мы здесь!

РОМАН. Вы же не тонете! Успокойтесь!..

Алексей не спеша подходит к лавочке.

АЛЕКСЕЙ. (Устало) Я очень устал. Как много я ходил...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Ну что?

АЛЕКСЕЙ. Ничего. Мы не заблудились. Я был в деревне, которая находится совсем рядом, и узнал, что это за место... Так что цивилизация совсем рядом – под носом. А мы её и не замечали. Чему я кстати рад. Как же красива и девственна природа без вмешательства человека! Мы и вовсе не замечали его присутствия... (Опрокидывается на лавочку) Я устал...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Это всё?

АЛЕКСЕЙ. Всё!

РОМАН. Господи, мы сидели вот здесь, думая, что заблудились... Мы сидели без дела, ничего не предпринимая, а цивилизация активно жила где-то рядом, совсем забыв о нашем существовании. Это то, о чём я вам говорил, Максим Петрович. Вот к чему привела наша пассивность: к пропаже части нашей памяти...

АЛЕКСЕЙ. Не всё так плохо. В конце концов, нам удалось узнать, где мы находимся...

РОМАН. Да, но сам факт того, что мы бездействовали... Я бездействовал... Всё очень странно и глупо...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Так чего, спрашивается, мы ждём? Пойдёмте...

АЛЕКСЕЙ. Куда? Обрато в цивилизацию?..

РОМАН. Дело не в цивилизации. Дело в нас. Мы забылись и потеряли память...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Мы не часть цивилизации?

АЛЕКСЕЙ. Может, но не сейчас...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Пойдёмте!

АЛЕКСЕЙ. Идите! Вам прямо по тропинке...

РОМАН. Подождите, Максим Петрович! Не стоит! Мы пойдём все вместе. Только дождёмся Дмитрия.

АЛЕКСЕЙ. Где он?

РОМАН. Пошёл искать еду.

АЛЕКСЕЙ. Подождём. Я не против. Да, и мне не очень то хочется побыстрее плюхнуться в сидение автобуса!..

РОМАН. Хорошо.

Действие 3

Дмитрий стоит у яблони. Решает, срывать ли яблоки...

ДМИТРИЙ. (Морщась) Как-то кощунственно! Эта яблоня может единственная в роще, а я

хочу сорвать с неё яблоки... Яблоки маленькие – дикие. Да и само дерево не до четвёртого этажа... Кошунственно! Но с другой стороны, как семена попадут в землю? Они могут опасть и начать разлагаться, но это будет чересчур медленно... Мы, втроём, съев яблоко и выбросив огрызок, поможем распространению семян. Для того оно и такое красивое и яркое - чтобы привлечь нас... (Тянет руку к ветке. Срывает яблоко) Ведь Адам с Евой отъели яблоч с древа познания... (Ужасается своих слов) Что я говорю? Адам и Ева поддались на искушение, за то и поплатились. Мы же просто хотим поесть. Разве это грех – утолить голод? Нет. Это потребность. Первые люди же не имели потребностей – просто они сломались... Наша главная потребность – жизнь. Мы хотим жить. Жить не в раю – на земле... Жить с радостью, горем, страхом, спокойствием, смыслом... И не забываться, как забылись Адам с Евой... (Смотрит в землю) А мы забылись. И в прямом и в переносном смысле. Забылись, как здесь оказались, зачем здесь оказались, а главное – кто мы. (Пауза) Я помню, как меня зовут. Помню... Но моя сущность... Что она такое? (Пауза. Вытирает яблоко рукавом. Подносит его ко рту и откусывает кусок. Жует) Кто я на самом деле я узнать не смог. Яблоко не помогло. Оно лишь наполнило организм кислотой... (Откусывает ещё один кусок) Оно и не поможет. Боюсь, мы сами должны узнавать, кто мы. Своими силами... (Срывает ещё некоторое количество яблок. Кладёт их в снятый свитер).
Уходит.

Действие 4

Алексей, Роман, Максим Петрович у дуба.

АЛЕКСЕЙ. (Закрыв глаза) Не правда ли тут прекрасно? Даже закрыв глаза, я вижу всю эту красоту и чувствую сладкий запах...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Раздражённо) Тем более пора идти! Будете дома наслаждаться...

РОМАН. Максим Петрович, вы думаете только о себе! Как же Дмитрий?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (С ухмылкой) Он сам найдёт дорогу!

РОМАН. (Зло) Где же ваша совесть?

АЛЕКСЕЙ. Неужели нельзя хоть в эту минуту не сориться? Прислушайтесь к природе! Человечество и так потеряло ту золотую нить вечной гармонической связи с ней! Почему вы хотите нарушить остатки гармонии?

РОМАН. Не вы, а мы...

АЛЕКСЕЙ. Я имею в виду людей... (Пауза) Всё время человек недоволен жизнью. Так ведь он уничтожает всё то, чем мог бы быть доволен. Он уничтожает всё. И в итоге остаются только проблемы и недовольство ими. Потому, что от проблем сложно избавиться...

На тропинке появляется Дмитрий.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Подбегает к Дмитрию) Мы не заблудились!

ДМИТРИЙ. Знаю.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Удивлённо) Как?

ДМИТРИЙ. Я предполагал это. Просто мы забыли, почему мы здесь и как тут оказались... Подходят к Роману и Алексею.

ДМИТРИЙ. Здравствуй, Алексей! Скорее всего, ты вышел прямо на цивилизацию?

АЛЕКСЕЙ. Так и было.

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Все в сборе. Пора уходить...

РОМАН. Разве вам не интересно, что случилось?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Нет!

ДМИТРИЙ. Я не думаю, что нам откроется эта тайна в ближайшее время. Да, и домой в любом случае придётся возвратиться.

АЛЕКСЕЙ. (Нехотя встаёт) Ладно, тогда пойдёмте, пока я ещё ни о чём не жалею...

РОМАН. Пойдёмте.

Собираются.

РОМАН. Можно тебя спросить, Дмитрий?

ДМИТРИЙ. Валяй!

РОМАН. Что ты будешь делать с яблоками?

ДМИТРИЙ. Возьму их с собой в качестве напоминания.

РОМАН. О чём?

ДМИТРИЙ. О том, что с нами произошло...

Уходят.

Действие 5

Идут по тропинке. Выходят из роуци. Видят дачные дома.

АЛЕКСЕЙ. (Разъясняет) Это дачи. Я узнавал. Слева... Видите ту дорогу? (Указывает рукой) Там деревня. От неё в метрах пятисот находится автобусная стоянка. Нам туда...

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Обрадованно) Господи, а вот и мой дом...

РОМАН. (Удивленно) Как? (Пауза) Где?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Вот этот – двухэтажный с черепичной крышей. Номер четыре...

ДМИТРИЙ. Постойте, Максим Петрович. Если это ваш дом, то вы должны были знать окрестности. А значит и то, где мы находимся!

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Оправдывается) Я никогда не заходил в эту чёртову роуцу... Она мне не нравилась и наводила небольшой страх...

РОМАН. Вот это да!

АЛЕКСЕЙ. Так!..

ДМИТРИЙ. Я не понял. Вы даже не знали, что ваша дача рядом?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Нет... Я же сказал: ну не шлялся я по этой роуце! Ну не заходил так далеко!

РОМАН. Вы что, один справляетесь с таким большим участком?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. Моя жена должна быть на даче. Я помню, что приезжал сюда вместе с ней.

РОМАН. Может быть, пригласите нас на чай?

МАКСИМ ПЕТРОВИЧ. (Улыбается) Конечно!

ДМИТРИЙ. (Алексею) Это же надо! Есть же такие люди: живут, но не знают где. И не желают знать... Такие бы родились, а не знали бы, что существуют.

АЛЕКСЕЙ. (С иронией) Печально.

ДМИТРИЙ. Глупо! Безумно глупо...

Максим Петрович спотыкается на ходу о камень и падает. Лежит неподвижно. К телу подбегает Роман.

РОМАН. Он без сознания! Надо отнести его в дом...

Поднимают тело. Уходят.

Действие 6

Пять часов. Роман с Алексеем сидят на диване перед столиком. Дмитрий сидит в кресле. К столику подходит жена Максима Петровича.

РОМАН. Ну, как он?

ЖЕНА М.П. Всё хорошо. Доктор говорит, что ничего серьёзного нет. Ему просто нужно... Сейчас доктор спустится...

Действие 7

Поздний вечер. Тройка едет в автобусе. Мелькают разноцветные огни.

РОМАН. Всё, что с нами случилось, слишком странно...

АЛЕКСЕЙ. А что, в сущности, с нами случилось?

РОМАН. Не знаю. Мы как будто попали в водоворот. И он нас засосал. Теперь мы и не на дне, и не на поверхности – где-то посередине – в самом его сердце. Мы кружимся, безостановочно кружимся, словно ищем что-то, но перед нами проплывает такое множество картинок, что мы не можем ничего разглядеть и найти нужную. (Следит за мелькающими огнями).

ДМИТРИЙ. Может, нам дали ещё один шанс?

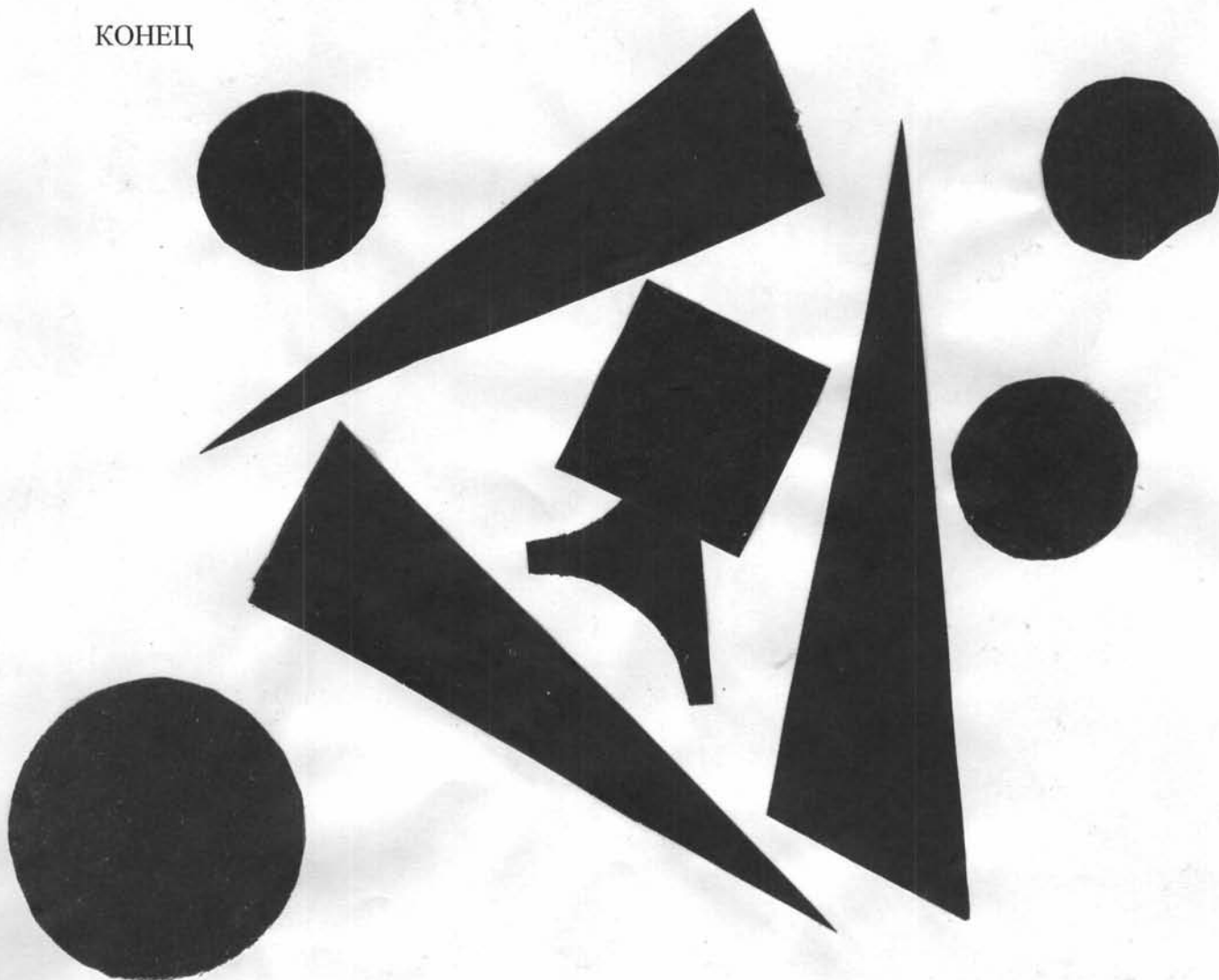
РОМАН. (Задумывается) Последний шанс?..

ДМИТРИЙ. Да! Все самые пошлые картинки нашей жизни, свисающие грязными тряпками, размокли и стёрлись. Теперь мы чисты и можем выбрать новые картины. Картины, которые будут красочнее и добрее...

РОМАН. Пусть будет так!.. (Всматривается в огоньки) Пусть... (Его дыхание становится всё громче).

Слабо слышен свист – громкость дыхания перебивает его. Появляется та же девушка, что и в первом действии. В её руках тазик с водой. Она становится у центра сцены. Ставит тазик на пол, достаёт чёрный платок и начинает крутить его в тазике, в результате чего создается маленький водоворот. Вынимает платок – теперь он не такой грязный.

КОНЕЦ

Віктар Іваноў

ПАМЫЛКА ВАСІЛЯ КОНЕВА

Эліза, надзьмуўная паэтка
Хадановіч, паэт Андрэй Хадановіч
Васіль Конеў, дыяпазон ад фа-бэкару да верхняга до
Урач-практоляг
Гледачы
Дзьве дзяўчынкі
Суседзі па вагоне, 32 чалавекі
Вакалісты і вакалісткі, 53 чалавекі

ДЗЕЯ I

Паэзаканцэрт у Гомлі

Хадановіч

А зараз на сцэну выйдзе паэтка, якая, так бы мовіць,
Абвяшчае Элізу.

Эліза:

Перш за ўсё я хацела б прачытаць нізку, прысьвечаную вашаму цудоўнаму гораду
Значны па аб'ёме корпус тэкстаў з глыбокімі асананснымі рыфмамі.

Наступны верш, ён напісаны яшчэ ў школцы. Я прысьвяціла яго сваёй настаўніцы па
беларускай мове

Цэнтон з рыфмамі a ab abc bcd cde...

А гэты вянок санэтаў напісаны ўчора ў салярый.

Вянок акрасанэтаў.

Не стаміліся?

Гледачы:

НЕ!!!

Эліза:

Касыда на 75 бэйтэй.

Яшчэ я вельмі люблю хайку

Стужка з 27 хайку.

І на разьвітаньне я хацела б выканаць...

Бярэ ля-мінорны акорд.

Вася Конеў (безь мікрафону):

Сьпяваць непастаўленым голасам тое самае што трахацца з зашпіленым распоркам.

Гледачка:

Ці нельга на паўтона ніжэй?

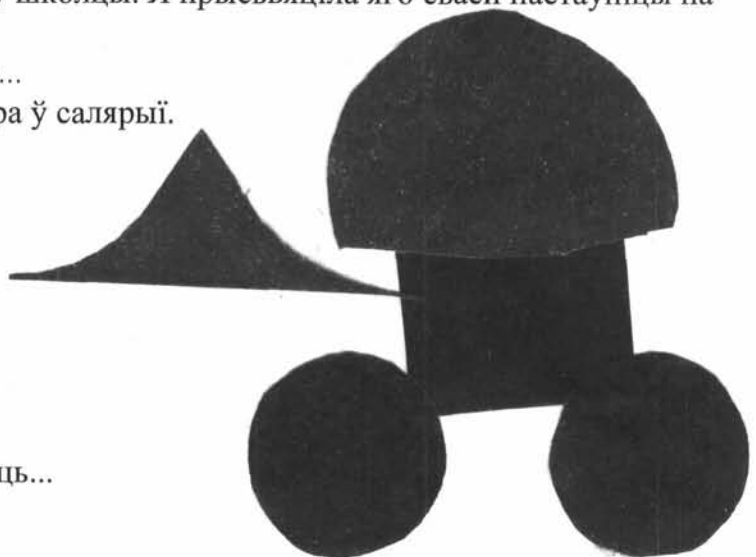
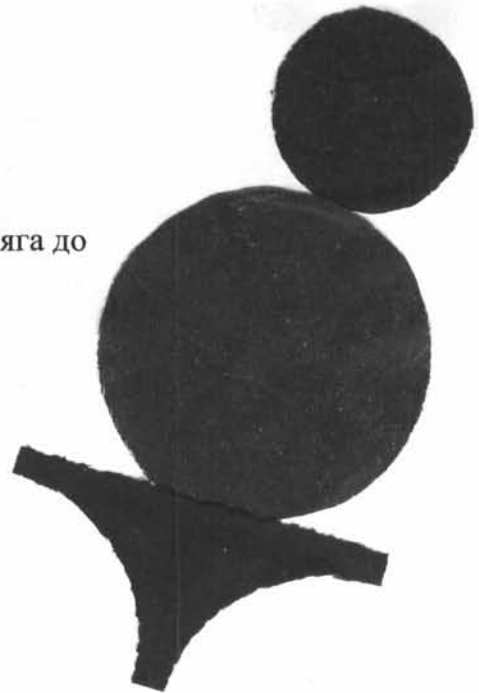
Вася (у транспарце, sforzando):

Няма базару!

Некалькі гледачоў:

Цішэй!

Вася Конеў (вельмі выразна):

ЯШЧЭ цішэй?

Рэха:

Шчэ цьшэ чшэць

Гледачы (перакрыкваючы рэха)

Дай паслухаць!!!

ДЗЕЯ II

Вакзал пасьля канцэрту. Хадановіч распавядае паказкі.

Эліза:

Не, ён не паэт, але я яго вельмі-вельмі кахаю.

Урач-практоляг:

Дык працуе ён кім?

Эліза:

Ён працуе вібратарам.

Васіль (не даслухаў):

Гэта добра. У Бучыля ні хуя вібрата не працуе, ён соль-дыез калі браў - бляаа!..
(нягучна сьпявае арыю Анегіна зь дзясяткам устаўных ля)

Калі трэмалое таксама дрэнна.

Эліза (Васілю):

Зьедлівы монарымовы лімэрык.

Васіль (Элізе):

Ну хто так сьмяецца? Дай, навучу як трэба! Глядзі, які ў мяне рот: Х□ Х□ Х□ !!!

Вазьнясенскі галосныя не прыкрываў, цяпер бяз голасу ходзіць.

Дзьве дзяўчынкi (праходзяць побач):

Вігас бярэ жаночыя ноты, у яго

Васіль Конеў (заклапочана):

Якія такія ноты?

Хадановіч (дзяўчынкі спужаліся):

Вігас браў рэ трэцяй ак

Васіль Конеў:

Гэта фальцэтам?

Хадановіч:

Так, у яго фальцэт,..

Васіль (з палёгкай):

Фальцэтамы я вазьму!

Ставіць запар дзесяць нотаў фальцэтам. Дзяўчынкі вяртаюцца і глядзяць квадратнымі вачыма. Рэха, сыгналізацыі.

ДЗЕЯ III

Прычэпны вагон "Гомель - Менск".

Эліза:

Санэт з калямбурнымі рыфмамі, прысьвечаны вагону. Выходзіць.

Урач-практоляг:

Савецкія вагоны наогул некаамфартабэльныя. Гэта гэдээраўскі, але гэта ўсё роўна той самы савецкі.

Хадановіч:

Урач-практоляг:

Таму што ў савецкім саюзе пра камфорт не клапаціліся. Мне нават СВ не падабаюцца.

Хадановіч:

Урач-практоляг:

А ў замежных краінах вагоны даўно іншыя.

Хадановіч:

Як бы нам гарбаткі?

Вася (рыочыся ў заплечніку, з пасылам на купэ правадніцы):

Тры бяз цукру, адну зь лімонам.

З суседняга купэ:

- Ёёёё! Разьліў!!!

- Бляя, касарылы!!!

- Ды гэта ня я, гэта той прыпіздон!

Праваднік (прыблягае з гарбатаю):

Бялізна зараз будзе. Вам лёду пакласьці?

Вася Конеў (у бок):

Моцны голас - удача для опэры.

Эліза (вяртаецца):

Санэт з дысананснымі рыфмамі, прысьвечаны стану прыбіральяў.

Урач-практоляг:

Рускі чалавек схільны да філязофскіх развагаў і

Вася (гучна сёрбае гарбату, у суседнім купэ нешта б'ецца):

Га-аА-аАа-аАаААаАарБаАаА-Аа-аа-А-а-ТАААА!

Шклянка б'ецца. Вася вішчыць. Стоп-кран, зацямненьне.

ДЗЕЯ IV

Хадановіч і Эліза сьпяць. Вася н'е яшчэ адну гарбату. Бухлан з суседняга купэ падбіў вока. Урача-практоляга, здаецца, няма. Эліза храпіць актавамі.

Васіль (з зайздрасьцю)

Актаву я ня выцягну. Хіба толькі штро-басам!

Спрабуе.

Эліза (прачынаецца з крыкам):

АААааааа фуу...

Васіль:

Дай навучу правільна крычэць! Глядзі, гартань апускаеш, рот квадратны, язык лыжачкай. Паспрабуй яшчэ раз!

Эліза:

А я такі вершык сьніла!

Паліндромны трыялет у цьвятаеўскім стылі з брутальным дзявятым радком.

В а с я К о н е ў:

А прачытай той, дзе там пра цягнік.

Э л і з а:

Ах, гэты?

Вянок трыялетаў. Галоўны трыялет з дысананснымі рыфмамі.

В а с я:

Ооооў, кльОва.

У дзьверы прасоўваецца рука і б'е Васіля Конева па галаве бутэлькай. Аскепкам праколвае Элізу.

Э л і з а (здымуваецца):

Ось, ўсё. Паміраю.

Кароткі, вельмі кранальны суіцыдальны вэрлібр.

Вася, Васілёк, перадай яму, што ён вольны. Я хачу, каб яго купіла жывая жанчына й...

В а с я:

Як мне яго знайсці?

Э л і з а:

Ён жыве ууўўўфффххх.....

В а с і л ь (задуменна):

Вось як трэба субтон рабіць...

Прачынаецца Хадановіч. Вяртаецца Ўрач-практолаг.

ДЗЕЯ V

Вагон для вакалістаў і галасістых харавікоў. Памінаюць Элізу.

В а с і л ь К о н е ў:

Бля, ну хто так на хуй сьпявае! Гэта не кантылена, а хуй ведае што! У цябе, ёб тваю, замест узьнёслага юнака падарас нейкі. Дай я!

В а к а л і с т С а ш а (пакрыўджана):

Гэта эльф, ён наогул для лірычнага напісаны.

В а с і л ь К о н е ў:

Бля, ён мне яшчэ будзе на хуй

Сьпявае. Даходзіць да другой часткі

В а к а л і с т ы:

Фуу! На мі-бэмоль ня трапіў! Ганьбішча!!

В а с я:

Ён для лірычнага! Ёндль ён для ЛПРЫЧНАГА!

В а к а л і с т ы, в а к а л і с т к і, г а л а с і с т ы я х а р а в і к і (разам 53 чалавекі):

БУУУУУУУУУУУ!!!

П а с а ж ы р ы ў с у с е д н і х в а г о н а х:

Ура! Коней мі-бэмоль ня ўзяў!

УСЁ

ВАРАКСА

ЛЕКІ ДЛЯ ПАНАЦЭІ

Аднойчы я сядзела злая і зьнясіленая, і мне прынеслі пачытаць гэты твор. Мяне папярэдзілі, што твор дрэнны, – перш за ўсё таму, што несамастойны. І што “пад каго” ён пісаўся, ведаючы гэтага “каго”, здагадацца няцяжка. Я прачытала і пагадзілася. Але потым паразважала і прыйшла да высновы, што твор гэты карысны. Бо чытаць яго сьмешина (асабліва пасля чытаньня твораў таго самага “каго”), а сьмех лякуе хваробы і падаўжае жыцьцё. Прапаную вам неадкладна правесьці сэанс такой тэрапіі з закадравым сьмехам (маім). Усьведамляючы, што закадравы сьмех – рэч непрыемная, раздражняльная і амаль заўсёды недарэчная, я буду сьмяяцца змрочна. Гэтак яшчэ больш брыдка. Таким чынам, пачнем!

<ПАНАЦЭЯ>

.....- Не, Панацэя. Усё! Я так больш не магу...Ты выціснула з мянену, сама ведаеш.....не маленькая. Дарэчы, колькі табе? А?
ПЛЮЮЮЮЮХ!

Сапраўды – ПЛЮЙЮЙЮЙЮХ! Дзяўчына на імя Панацэя (наводле лацінска-рускага слоўніка І.Х.Дварэцкага – байкавая ўсегаючая расьліна) – гэта круцей за Пандору. Забаліць ці засьвярбіць штосьці – прыкладзі да хворага месца дзяўчыну, яно пройдзе. Той хлопец, напэўна, далячыўся – не да таго месца прыклаў – дык “Не магу болей!”. І што яна зь яго такое таямнічае выціснула, пра што ў дзявочай кампаніі сказаць сорамна? Няўжо ...? А вось спытаць у дзяўчыны, колькі ёй “плюх”, сапраўды часам варта – а раптам яна ўсё ж сваю норму ведае, пасля якой ужо ванітуе – ПЛЮХ! І поўнае УССЁ!

.....Свінцовая ферзя (што?) вёртка прасвідравала маленькую дзірачку і схавала (сымпатычны прыметнічак) за вадзяным дзіскам (чым?) правільнай формы (істотнае ўдакладненьне!). Луіджы (хто?) падняў на мяне свае шэрыя, поўныя адчаю вочы. У жаўтаватых танюсенькіх прожылках вочнага яблыка безнадзейна заблыталася лічба “два”, сплеченная (літар Н тут трэба тры) з ліхтарыкаў –вакенцаў будыніны з таго берага.

Два сьцьвярджэньні і тры пытаньні. Па-першае, што такое “дзіск” і хто такі Луіджы, немагчыма зразумець ані з кантэксту, ані з іншых даступных мне крыніц. Неяк, мне здаецца, гэта не па-беларуску. Па-другое, ну ўявіце вы сабе, як гэта ўсё выглядае. Прачытайце і ўявіце. Мне здаецца, гэта проста немагчыма сабе ўявіць – і не таму, што ў мяне дрэнна з вобразным мысьленьнем, а таму, што гэта проста ніяк не выглядае. Сумняюся, што сама аўтарка гэтых вычварных радкоў здольная сабе такое ўявіць. Гэта проста нейкія абдрукоўкі лёсу! Але я чэсна спрабавала. Таму ў мяне пытаньні: 1) Чаму “ферзя” свінцовая і што яна там робіць? 2) Што зь сябе ўяўляе вадзяны “дзіск” (упершыню такое чую) і чым ён не дагадзіў той “ферзі”? 3) Адкуль адчай у вачах Луіджы? Якая зараза пакрыўдзіла беднага іншаземца і як ёй ня сорамна?! Ну, нарэшце, наконт вачэй і сказаць няма чаго. “Жаўтаватыя прожылкі вочнага яблыка” (жоўць туды вылілася ці як?) мяне так замілавалі, што я ўжо нават не задумвалася, навошта вокны нейкага левага дома ля нейкай левай рэчкі складаюць разам лічбу два (у дойліда, напэўна, дах зьехаў) і на што хворы чалавек, у бялках вачэй якога гэта так яскрава адбіваецца...

Я глядзела на вадасцёкавыя трубы не свйго (?) горада. На небе грала нешта маланкавае.

...грымела нешта грымотнае, самалёцілася нешта жалезнае з крыльцамі...

Хацелася жыць. Але Луіджы баяўся навальніц.

Сапраўды, гэта вельмі сур'ёзная перашкода ўсім праявам жыцця...

Таму я хуценька падхапіла яго за каўнерчык, і мы моўчкі папляліся дадому.

Моцная, мужная жанчына. А Луіджы, ёлы-палы... Ну проста як не мужык! Эх, Луіджы-луджы...

Эх, Луіджы-луджы... Мой маленькі херувімчык... Ногну Angel. *(хто-хто? "Мілы анёл" пад рэд. Дугіна, але лацінкай?)* Амаатар аўсяных пернічкааў і вішнёвага варэння "БЭЗ КОСТАЧо-Ок" (БЭЗ ЧОГО, Оу Кэй?).....і гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей.... *(аааа....рыфма аднак!)*

Да чаго ж салодка ўспорваць ягонае маленькае *(eaa!)* пузічка. *(Ну, гэта ўжо наймахровейшая, няхай "каго" прабачыць, кагойшчына!)* Там растуць казьяльцы *(а канабіс там не расьце?)* і смачна пахне абадранымі каленамі дзяцінства... *(у пузічку пахне каленамі? Ну, гэта ўжо, ведаеце, нават не "каго"...Тут сам Босх адпачывае!)* Да чаго ж прыемна нанізваць на шпілку гэтыя малпосенькія мезенчыкі... *(Так, там яшчэ й мязенчыкі – у пузічку. Напэўна, Луіджы – папуас-людажэр. Зжэр усіх цалкам, ад каленаў да мязенчыкаў, і цяпер яны ўсе ў ягоным пузічку пахнуць...)* Да чаго ж не сорамна і гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей... *(А чаго нам, людажэрам, саромецца, і гэтак далей і гэтак далей...)*

Луіджы з'явіўся зусім выпадкова. *(Во як!)*

"Я Лунаход – пі-пі адзін! Я Лунаход – пі-пі адзін!" *(А я "Саюз" – пі-пі ўдвох, а я "Саюз – пі-пі ўдвох. А я лясны гнёт! – гэты наогул не пі-пі, яму няма чым. Проста сядзе і ўсіх душыць)*

Жоўценькае тлусценькае цельца бегала па плошчы "Малазэзнай" *(якой, прабачце?)* і настойліва ўпірала прахожым стракаты ўлёткі *(дык колькі там таго было – стракатага ўлёткаў?)* з выявай спадарыні Гудмундздатыр *(каго?)* і заклікам "Свабоду пінгвінам Рэйк'явіку!"..... *(давайце лепш абярэм "каго" прэзыдэнтам...)*

А вільготным надвячоркам ён, стомлены да немагчымасці, *(Цяжкая, напэўна, гэтая спадарыня Губмандадыр)* ціхенька пастукаў у дзверы маёй Рэспублікі Грамплінаў *(у Раўбічы ці як?)* і папрасіўся нанач. Я адчыніла. Ён упусціўся *(вось усе яны так. Ім адчыніш, а яны як упусьцяцца нанач –)* і гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей....

Усю ноч мы скакалі па распалёным вугельчыкам *(з давальным склонам у беларускай мове прыназоўнік па не ўжываецца)* палігона *(а гэта там адкуль?)*. Хтосьці ўпарта дзьмуў на нашае агульнае цемя *(відаць, і мазгі адны на дваіх, хаця ў такіх выпадках іх увогуле не бывае; добра, гэта шмат што тлумачыць)*, але мы не звярталі ўвагі *(ды куды вам – без мазгоў і з пузічкам...)*. Да раніцы заставалася не так ужо многа – тры-тры-тры тыдні (=мінус тры мінус тры мінус тры тыдні. Сапраўды нямнога чакаць, яшчэ лепш – даўно ўжо скончылася). І калі ружовае сонца ўсёж-такі

выкацілася з-пад месячнай спадніцы (*Аёй! Няўжо ж так жудасна? Але калі спадніца сапраўды месячная, чаму сонца ўсяго толькі ружовае? Ці тыя месячныя ўжо канчаюцца?*), Луджы забралі з дыягназам “павышанае слінавыдзяленне апаленых пятак” (*дыягназ памылковы. Гэта была проста нястраўнасць. І ў выніку панос – слоўны*).

Неўзабаве пачалася зіма. Я захварэла на малярью (*беднае дзяўчо! Мала ёй было гідрацэфалі!*). Вершы цвыркалі з мяне (*гэта як? пісь-пісь, як з Лунахода?*). Зашкальвалі гадзіннікі (*гадзіннікі не зашкальваюць. У іх шкала круглая*). Я перайшла на пясочныя (*зь месячных... Жах... Дык вось адкуль выслоўе “зь яго пясок сыпецца”*).... На мяне неаднойчы пакушаліся (*якога хрэна? Чаму не пакінуць у спакоі няшчаснага малярыйнага гідрацэфала?! Ці проста “пакушаць” хацелі? А то б замахі рабілі*). Хтосьці вастрыў нажы. (*Тормаз гэты хтосьці. Іншыя за той жа час “пакусіцца” пасьпелі, і не аднойчы*). Хтосьці адрываўся трыялетамі (*во гаўнюк!*).

Ён вярнуўся толькі позняй вясной (*адрыгаўся, напэўна*). Так нечакана, у чырвоным касцюме і з тузінам еўрапейскіх разетак ў авосьцы (*добра, не будзем нават пытацца, навошта гэта і навошта У скарочана*).

-- Сушы ігрушы, Панацэя! (*муж аб'еўся груш*),-- крыкнуў ягоны жоўты рот з-за дзвярэй (*весь увайшоў, а рот застаўся за дзвярыма...*). – Я вярнуўся, каб падарыць табе ўсе трыццаць тры каханя!... (*ухваляю. Вельмі дакладны падлік*). У страўніку, нешта злосна затузала (*а я ведаю што! Калены й мязенчыкі!*). Акурат на прыпынку ст. М. “Пушкінская”. І я выразна адчула, як ён пачаў-пачаў-пачаў расці (*хутчэй бы ён кончыў-кончыў-кончыў!*). Ён, мой **самы першы** зуб мудрасці.

Я стала дарослай. (*няўжо канец? А фіг!*)

Але зламалася я значна раней. У той самы дзень, калі старэйшы брат прывадок да дому піянерскі горн, і мы ўсю ноч аралі вершы (*вельмі цікавы занятак. Дагэтуль мне здавалася, што аруць зямлю, але араць вершы – гэта трэба паспрабаваць*) вялікага Хармса (*небарака вялікі Хармс!*) на магнітафонную стужку (*ё-ма!.. Яны яшчэ й на стужку аралі! Ну проста камасутра для пэдафілаў!*) А яна ўсё размагнічвалася, размагнічвалася (*тут размагніцішся, калі на тваёй паверхні пераараць вершы Хармса!*)... А на кухні мама з ватнымі тампонамі ў вушах варыла кісель (*напэўна, смачны гэты кісель з ватнымі тампонамі ў вушах!*). А за сцяной смажылася нешта зялёнае (*даляры, няйнакш!*), з суседсчнага (?) агарода... Нешта шалёнае-шалёнае і гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей..... (*думаю, што сабака і гэтак далей і гэтак далей усё, надакучыла мне капіраваць гэтыя словы!*)

Вось тады я і зламалася.....
Хр-р-р-уссссссссьььььььь!.....

Цукровая пешка (*а ферзю куды падзелі?*) схавалася ў жоўтай вільгаці Луджавай ПА-А-А-Сткі....

--Не, Панацэя! Я так больш не магу... ты выпіснула з мяне.....ну, сама ведаеш, не маленькая ўжо... (*калены й мязенчыкі*) Дарэчы, колькі табе? Га? Я моўчкі намотвала на пальцы (*напальцоўвала на маты*) жаўтаватыя танюсенькія прожылкі вочнага яблыка (*садыстка!*), не парушаючы прыгажосці безнадзейнай лічбы “два” (*ізноў двойка!*).

Хацелася жыць і гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей....

(памерці, памерці, памерці... Няўжо ў гэта не канец? Не, далей курсор ня лезе. Значыцца, канец. Уррраааааааааааа!!!!!!! i гэтак далей і гэтак далей і гэтак далей...)

<ВАРАКСІЗМ>

Ну як вам такая проза? Магчыма, я чагосьці не разумею ў найсучаснейшых накірунках прозаскладаньня, але, як мне здаецца, гэта хутчэй аўтарка апавяданьня ў іх чагосьці не разумее. Перш за ўсё – таго, што СЭНС ПАВІНЕН БЫЦЬ (прычым сэнс ня столькі самога тэкста, колькі сэнс існаваньня гэтага тэкста). Не абавязкова здаровы. Няхай ён будзе схаваны, містычны, пэдэрастычны, няхай ён будзе ў тым, што сэнсу няма наогул. Але чытач павінен адчуць, што перад ім не бязглуздая слоўная каламеса, а нешта цэлае, нешта нават жывое – няхай пачварнае, nepřыемнае, дзіўнае... Калі мне пачнуць казаць штосьці пра плынь сьвядомасьці, імпрэсіянізм, калаж, вершы ў прозе ці, наадварот, разрыфмаваную лірыку, давядзецца адказаць шчыра: ды не, гэта проста ЛУХТА. Да таго ж, лухта амбітная, што ўдвая брыдка. Сьвядомасьць тут і побач не ляжала, і падсьвядомае, і несьвядомае таксама. Аўтарка наўрад ці ўяўляла сабе тое, пра што піша, і складваецца ўражаньне, што яна проста ў замілаваньні ад сябе самой – вось якая я авангардовая! – вярзла немаведама што. Тое, што атрымалася, немагчыма аднесці да якога-кольвечы вершаванага або праяснага жанру – гэта звычайныя і тыповыя ТРЫЗЬНЕНЬНІ чалавека, якому, напэўна, больш няма чаго рабіць. Яшчэ гэта можа быць графаманства: галоўнае пісаць, а што – ня важна. Ну, і выдаць пасьля пажадана, бо гэтае ня-важна-што – яно ж геніяльнае! Я ня супраць. Выдавайце. Толькі не кажыце, калі ласка, што гэта творы мастацтва! Гэта проста выцісканьне зь сябе чагосьці такога... пра што пры дзяўчатах казаць сорамна...

ЗЬМЕСТ "ВМ" № 23

У гэтым нумары...

Проза

- Сергей Логунов Сад
- Д. Хилькевич Чужая жизнь

Пераклады

- Данііл Хармс
Дзень (амфібрахій)
"Лягу сёння вельмі рана..."
"Усе ўсе ўсе расліны піф..."
(пераклад Вікі Трэнас)

Вершы

- Таня
"Я – кошка, у меня семь жиней..."
"Неужели это свершилось..."
"Мне кажется, лишь надо подождать..."

- Жёлтое и голубое
- Палідовец Ірына
Цыжжае каханне

• "Я калені долу апушчу..."

- Юля Ружачка
Суадносіны
Современность
- Каця Жа
Мае ўцёкі
Кут
Крыжыкі-мулікі

П'есы

- Грыгорый Тисецкий
Водоворот
- Віктар Юваню
Памылка Васіля Конева

Крытыка

- Варакса
Лекі для Панацзі

Заўвагі: нумары старонак раім вызначаць па колькасці фігур на іх.
Абедзьве вонкавыя воклады кі (ці абодва бакі вокладкі?) мамаляваў Цемрык Велет)

Кантакт з намі: 220009 Менск, п/с 108
e-mail: djety @ tut. by

